

Мск., Россия, 1981, 23 окт., № 43

СРАЖЕНИЕ В ДОМЕ ОРГОНА

Вот уже свыше трех столетий человечество смеется над жуликом и пройдохой Тартюфом, который, прикинувшись праведником, буквально ослепил Оргона своим «благочестием» и воцарился в его доме; а, пожалуй, еще более — над самим этим недалеким и фанатично доверчивым французским буржуа, позволившим мошеннику так грандиозно себя одурачить. Смех этот весел, звонок, но отнюдь не благодушен, не легок. Ведь великий Мольер выставил в «Тартюфе» на осмеяние не только и не просто два человеческих характера, но — два типа, олицетворяющих собой категории нравственные: ханжество, лицемерие, ложь, разврат, корысть, наглость, с одной стороны, и фанатизм набожности, нетерпимость, глупость слепой веры в «праведность» обманщиков и плутов — с другой.

Надо ли говорить, сколь долга, обширна и представительна сценическая история бессмертной комедии. И тем не менее театр не устает обращаться к ней с живейшим интересом как к поистине неисчерпаемому источнику сценического искусства. А впрочем, чему тут удивляться? Такова счастливая судьба многих гениальных драматических творений, дающих возможность все новым и новым поколениям художников вести с театралных подмостков образный разговор о жизни, об истинных и мнимых нравственных ценностях, о всегда первостепенно важной моральной сфере человеческого бытия.

Столь же не остужен и зрительский интерес к «Тартюфу». Но, разумеется, лишь тогда, когда театр стремится в Мольере прочесть Мольера, то есть прочитать классику реалистически глубоко и непредвзято, словно впервые, а не превращать ее с удовлетворением в повод для пресловутого режиссерского «самовыражения», не затуманивать ее домыслами и вместе с тем снять с нее напластования собственно театралных штампов, отказываясь от расхожих «мольеровских» клише и погрузить зрителя в ее подлинную жизненность.

Именно так прочитал и воплотил «Тартюфа» в 1939 году Московский Художественный театр в спектакле, работу над которым начал К. С. Станиславский и осуществил М. Н. Кедров. Прекрасной театралной легендой уже стал ныне этот спектакль, незабываемый непосредственностью и силой чувств и страстей мольеровских героев. Поразившая всех идейно-художественная новизна того «Тартюфа», наверное, прежде всего в них и заключалась, в этих прямо-таки неистовых чувствах и страстях, из которых и выросла во всей своей остроте моральная проблематика спектакля и которые в первую очередь несли в себе неповторимые и несравненные Оргон — В. О. Топорков и Тартюф — М. Н. Кедров.

И вот новые Оргон и Тартюф появились сегодня на мхатовской сцене. Дело не в сравнении актерских талантов — каждый из них действительно по-своему неповторим, — а в том, что и как они выражают. И в этом плане новый мхатовский «Тартюф», поставленный Анатолием Эфросом, продолжает и развивает плодотворные традиции своего легендарного предшественника.

К этому спектаклю приложимы, вещие пушкинские слова об «истине страстей, правдоподобии чувствований в предполагаемых обстоятельствах». Страсти в доме Оргона, связанные с бесчинствами и домогательствами обнаглевшего лицемера и подлца Тартюфа, режиссер доводит до высшей точки кипения, до сатирической гиперболы. Но они истинны, эти страсти. Ими обуреваемы не условные театральные маски а ля Мольер, а люди живые, чувствующие и действующие в конкретных жизненных мольеровских обстоятельствах.

Из этих обстоятельств режиссер и актеры извлекают комизм положений, кото-

рый используют для раскрытия характеров. Если уж Оргон — А. Калягин преклоняется перед Тартюфом, то до самозабвения Умилно тая от восхищения, расспрашивает он о своем кумире, а перед ним самим просто стелется, влюбленно и преданно заглядывая ему в глаза. И тот же Оргон превращается в тигра, когда яростно защищает Тартюфа, доказывает его святость домогателям, пытающимся раскрыть глаза главе семьи. Каждый из них делает это по-разному.

Орган — А. КАЛЯГИН, Тартюф — С. ЛЮБШИН.

Фото И. АЛЕКСАНДРОВА

Шурин Оргона Клеант — Ю. Богатырев, забывая о своей солидности и рассудительности, отчаянно жестикулируя, повышает голос и буквально захлебывается от возмущения в своих филиппиках против Тартюфа, Разбитная, лукавая, сметливая горничная Дорина — Н. Гуляева откровенно и зло издевается над простофилей-хозяином. Прелестная, скромная, добрая жена Оргона Эльмира — А. Вертинская, пересиливая себя, свою гордость, свою брезгливость, с решительной самоотверженностью, хотя и не без окрашенного легкой иронией боязливого любопытства, проводит с Тартюфом пикантно-рискованный, но зато обнаруживающий всю его гнусность эксперимент-ловушку. Слово молодой, задиристой и крикливой петушкой, наскakивает на распоясавшегося негодяя сын Оргона Дамис — М. Лобанов. А его сестра Марианна — Е. Королева надеется разжалобить, смягчить сердце отца слезами и лаской.

Увы, до поры все тщетно! Калягинский Оргон неприступен и тверд, тем более что его поддерживает матушка, строгая, чопорная, властная, непримиримая к своим легкомысленным родственникам госпожа Пернель — А. Степанова. Оргон — Калягин даже снисходительно жалеет домогателей: ведь им попросту недоступно то, что открылось ему, озарило его. А на деле жалок, уморительно смешон в своем роковом, опасном заблуждении он сам, этот нелепый, недотепистый человек, то сбрасывающий, то вновь нахлобучивающий на себя пышный, завитый седовласый парик, то сладко млеющий перед предметом своего преклонения, то в гневе гонящийся с палкой за своими оппонентами, а в финале, когда все становится на свои места, — такой растерянный, такой виновато-кроткий, такой раздавленный своим заслуженным позором...

Все ясно и просто в этом спектакле: в дом Оргона пробрался враг — Тартюф, семья отлично видит, понимает низменность его натуры, его опасные притязания; и только сам хозяин буквально обезумел от своей непомерной любви к «святому» прохиндею и не желает ничего и ничего слушать, готовый пожертвовать ради своего кумира даже женой и детьми; значит — война, война против лживого, жадного, развратного святоши и, естественно, против его ослепленного покровителя, но и за него, чтобы спасти, вырвать Оргона из-под пагубного влияния беззастенчивого интригана.

Сражение в доме Оргона — суть спектакля. И художник Д. Крымов предоставил для этого столь важное в режиссерском замысле сражения достаточное поле — всю сцену. Водруженная на ней огромная старинная люстра с мерцающими под колпачками свечами в начале каждого действия поднимается высь, и вся сценическая площадка, задрапированная по стенам мягкими тканями темно-бордовых и темно-золотистых тонов, отдается в распоряжение мольеровских героев. Вот уж где им просторно выплескивать наружу сжигающие их переживания, бурлящие в них страсти — и в динамике действия, и в экспрессивных мизансценах, подчеркнутых чуть пряным историзмом красочных, прикотливых костюмов своего времени (художник по костюмам В. Коломова).

Итак — сражение в доме Оргона. Сражение против зла, за правду. Все нарастает его напряжение, усиливается его накал. И сквозь переживший века комизм возникающих в нем ситуаций, сквозь одерзковатость противоборствующих сил все явственнее проступает нравственная доминанта спектакля, еще и еще раз осмеивающая, осуждающая безоглядную, фанатичную, а потому и непростительную доверчивость Оргона, вновь и вновь разоблачающая, обличающая все то скопище пороков, отвратительное вместилище которых — Тартюф.

Но пора уже наконец сказать, кто же играет главную роль в новом мхатовском «Тартюфе». Представьте себе — Любшин. Да, да, тот самый всем нам так хорошо знакомый, прежде всего по кинематографу, мягкий, тонкий, наисовременнейший С. Любшин. И вдруг такая неожиданность — святоша Тартюф, образ, который, казалось бы, никак не вяжется со всем тем, что делал доселе С. Любшин в кино и театре, и никак не соответствует ни его актерской теме, ни его актерскому облику. Однако А. Эфрос не ошибся в своем выборе исполнителя на роль Тартюфа. Внутренняя жизнь С. Любшина в мольеровском образе очень интересна, насыщена и точна, хотя поначалу, может быть, и не сразу привыкаешь к этому млажавому, сухощавому, сдержанно-самоуверенному Тартюфу, в чем-то даже не лишенному внешнего благообразия. Но чем дальше, тем больше становится ясным замысел режиссера и актера: показать обманщика и плута во всей его обнаженной серой (даже камзол и панталон у него какого-то мышиного цвета) обыденности и непосредственности. Он и не шибко притворяется. Тартюф — Любшин. Он прямолинеен в своем лицемерии и ханжестве, потому что презирает всех, облапошенного им Оргона в первую очередь. Он примитивен в своем плутовстве, и в своей наглости, и в своих вождениях. И поистине нужно быть Оргоном, чтобы не разглядеть его подлинной сущности.

В этом еще одна важная нравственная мысль спектакля. Спектакля, где по ходу действия то и дело раздаются аплодисменты. Спектакля мхатовского по актерской яркости и щедрости. Спектакля мольеровского по духу и по страстности.

Н. ЛЕЙКИН

Семинар драматургов

Состоялся семинар драматургов Кубани, организованный Союзом писателей РСФСР и Краснодарской писательской организацией. Вместе с первым заместителем председателя Совета по драматургии и театральной критике СП РСФСР, главным редактором журнала «Театральная жизнь» Ю. Зубовым для оказания творческой помощи своим товарищам по перу приехали Д. Валеев (Казань), Н. Те-

рентьев (Чебоксары), Н. Воронов (Москва).

Подобный семинар проводится на кубанской земле вторично. Результаты первого семинара, проходившего два с половиной года назад, были добрыми: увидели свет драмы А. Яковлева «Рубиновые всполохи», воссоздающая образ В. И. Ленина, пьеса А. Иващенко «Поставить мальчику тройку», готовится к постановке пьеса Ю. Сальникова «Цена».

В числе участников нынешнего семинара — прозаики и поэты Кубани А.

Стрыгин, Ю. Сальников, А. Мишкин, И. Краченко, активно пробующие свои силы в драматургии. Интересное произведение представил на обсуждение режиссер и драматург А. Кирилловский, работающий в области кукольного театра. Его пьеса «Катастрофа», разоблачающая американский образ жизни, — талантливый опыт создания произведений такого рода для кукольной сцены.

В дни семинара состоялся ряд писательских встреч с читателями.

Наш корр.

КРАСНОДАР